

ДЖОН ГРИН

ВИНОВАТЫ
ЗВЕЗДЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
Г85

Серия «Кино»

John Green

THE FAULT IN OUR STARS

Перевод с английского *О. Мышаковой*

Под редакцией *Е. Давыдовой, Д. Румянцев*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

Иллюстрация на переплете

© Twentieth Century Fox Film Corporation, 2014

Печатается с разрешения издательства Dutton Children's Books,
a division of Penguin Young Readers Group, a member of Penguin
Group (USA) Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Грин, Джон.

Г85 Виноваты звезды : [роман] / Джон Грин ; [перевод
с английского О. Мышаковой]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2023. — 288 с. — (Кино).

ISBN 978-5-17-086712-7

Подростки, страдающие от тяжелой болезни, не собираются
сдаваться. Они по-прежнему остаются подростками — дерзкими,
неугомонными, взрывными, бунтующими, равно готовыми и к не-
нависти, и к любви.

Хейзел и Огастус бросают вызов судьбе.

Они влюблены друг в друга, их терзает не столько нависшая
над ними тень смерти, сколько обычная ревность, злость и непони-
мание.

Они — вместе. Сейчас — вместе. Но что их ждет впереди?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

© John Green, 2012

© Перевод. О. Мышакова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-086712-7

Посвящается Эстер Эрл

Поднимался прилив. Тюльпановый Голландец обернулся к океану:

— Разлучает воссоединяет отравляет укрывает разоблачает. Набегая и отступая, все уносит с собой.

— И что это? — спросила я.

— Вода, — ответил Голландец. — И время.

Питер ван Хаутен. Царский недуг

От автора

Это не столько обращение, сколько напоминание о том, что роман является плодом художественного вымысла. Я его придумал.

Ни книги, ни читатели нисколько не выигрывают от попыток установить, легли ли в основу произведения реальные факты. Подобные попытки подрывают идею значимости выдуманных сюжетов, которую можно причислить к фундаментальным догмам нашего биологического вида.

Надеюсь на ваше понимание.

Глава 1

В конце моей семнадцатой зимы мама решила, что у меня депрессия, потому что я редко выхожу из дома, много времени провожу в кровати, перечитывая одну и ту же книгу, мало ем и посвящаю избыток свободного времени мыслям о смерти.

В любой брошюре, на любом сайте, посвященном раку, депрессию называют одним из его побочных эффектов. На самом деле депрессия не побочный эффект рака. Депрессия — побочный эффект умирания. (Рак — тоже побочный эффект умирания. Да и вообще в эту категорию можно отнести практически все.) Но мама решила отвести меня к лечащему врачу, доктору Джиму, который подтвердил, что я действительно погружена в парализующую, уже клиническую депрессию, поэтому нужно скорректировать принимаемые мною лекарства и обязать меня посещать еженедельные заседания группы поддержки.

Группа поддержки отличалась постоянной сменой состава участников, пребывавших в разных стадиях депрессии по поводу своей онкологии. Почему состав менялся? Побочный эффект умирания.

Посещения группы поддержки угнетали хуже некуда. Собрания проходили по средам в подвале каменной

епископальной церкви, фундамент которой имел форму креста. Мы садились в кружок посередине — там, где пересекались бы перекладины и находилось сердце Иисуса.

Я обратила на это внимание только потому, что Патрик, руководитель группы поддержки и единственный из нас, кому уже исполнилось восемнадцать, заводил волюнку об Иисусовом сердце каждую чертову встречу — как мы, юные борцы с раком, сидим в самом сердце Христа, священное места не найти, и все такое.

А вот что происходило в сердце Иисусовом: вшестером, всемером или вдесятером мы входили или въезжали на инвалидных креслах, нехотя жевали каменное печенье, запивая лимонадом, садились в круг доверия и в тысячный раз слушали занудный рассказ Патрика о том, как у него случился рак яичек и все думали, что он умрет, но он не умер и теперь сидит перед нами в церковном подвале города, занимающего сто тридцать седьмое место в списке лучших городов Америки, взрослый, разведенный, подсевший на видеоигры, без друзей, влачащий жалкое существование, эксплуатирующий свое онкорасчудесное прошлое, еле ползущий к получению диплома магистра, который никак не улучшит его карьерные перспективы, живущий, как все мы, под дамокловым мечом-избавителем, с которым разминусь много лет назад, когда рак отнял у него яйца, оставив то, что лишь самая сердобольная в мире душа назовет жизнью.

ВАМ ТОЖЕ МОЖЕТ ТАК ПОВЕЗТИ!

Потом мы знакомились: имя, возраст, диагноз, настроение. «Меня зовут Хейзел, — говорила я, когда до меня доходила очередь. — Шестнадцать. Первичная ло-

кализация в щитовидке и старые, но внушительные метастазы в легких. У меня все о'кей!»

Дав всем представиться, Патрик спрашивал, не хочет ли кто чем поделиться. И начиналась круговая мастурбация: каждый лепетал о борьбе и победе, о потере веса и результатах сцинтиграфии*. Надо отдать Патрику должное: он позволял нам говорить и о смерти. Но большинство находились не в терминальной стадии и должны были дотянуть до совершеннолетия, как Патрик.

(Отсюда вытекало наличие нехилой конкуренции: каждому хотелось пережить не только рак, но и всех присутствующих. Пусть это иррационально, но когда говорят, что у тебя, скажем, двадцать шансов из ста прожить пять лет, ты с помощью несложного математического перевода получаешь один шанс из пяти, после чего оглядываешься и думаешь: мне надо пересидеть четырех из этих гадов.)

Единственной компенсирующей составляющей группы поддержки был парень по имени Айзек, длиннолицый, тощий, с прямыми светлыми волосами, свисающими на один глаз.

Проблема у него была как раз с глазами. У Айзека была невероятно редкая форма рака. Один глаз ему удалили в детстве, и он носил очки с толстыми стеклами, в которых его глаза, настоящий и стеклянный, казались неестественно огромными, словно на лице у него только и было, что фальшивый глаз да настоящий глаз, глядевшие на тебя. Насколько я поняла из нечастых визитов Айзека в группу поддержки, рецидив поставил под угрозу его оставшийся орган зрения.

* Радиоизотопное исследование. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Мы с Айзеком общались с помощью вздохов. Всякий раз, как кто-то обсуждал противораковые диеты или предавал остракизму вытяжки из акульих плавников, он смотрел на меня и тихонько вздыхал. Я едва заметно качала головой и вздыхала в ответ.

В общем, группа поддержки не помогла: через несколько недель я готова была отбиваться ногами, лишь бы туда не ездить. В ту среду, когда я познакомилась с Огастусом Уотерсом, я предприняла все возможное и невозможное, чтобы остаться дома, пока мы с мамой сидели на диване и смотрели третью серию двенадцатичасового марафона прошлого сезона «Топ-модель по-американски», который я уже видела, но все равно смотрела.

Я: Я отказываюсь посещать группу поддержки.

М а м а: Одним из симптомов депрессии является потеря интереса к любым занятиям.

Я: Ну давай я буду смотреть «Топ-модель по-американски»! Это тоже занятие.

М а м а: Это пассивное занятие.

Я: Ну ма-ам, ну пожалуйста!

М а м а: Хейзел, ты уже почти взрослая. Ты не маленький ребенок. Тебе нужно заводить друзей, выходить из дома, жить своей жизнью.

Я: Если ты хочешь, чтобы я вела себя как взрослая, не посылай меня в группу поддержки. Лучше достань мне фальшивое удостоверение личности, чтобы я могла ходить по клубам, пить водку и принимать гашиш.

М а м а: Ну во-первых, гашиш не принимают...

Я: Вот видишь! Я бы это знала, будь у меня фальшивые документы!

М а м а: Ты поедешь в группу поддержки.

Я: А-а-а-а-а!

Мама: Хейзел, ты заслуживаешь жизни.

На это у меня возражений не нашлось, хотя я так и не поняла, как посещение группы поддержки можно привязать к понятию «жизнь». Но ехать согласилась, выторговав право посмотреть потом в записи те полторы серии «Топ-модели», которые пропущу.

Я согласилась посещать группу поддержки по той же причине, по какой позволяла всяким медсестрам с полугодовым образованием пичкать меня лекарствами с экзотическими названиями: ради родителей.

Хреновей, чем умирать от рака в шестнадцать, может быть только одно: иметь ребенка, который умирает от рака.

К заднему фасаду церкви мы подъехали без четырех минут пять. Несколько секунд я притворялась, что вожусь с кислородным баллоном — просто чтобы убить время.

— Помочь?

— Нет, спасибо, — сказала я.

Зеленый баллон весит всего несколько фунтов, плюс у меня есть стальная тележка, чтобы возить его за собой. Через канюлю из баллона в меня поступает два литра кислорода в минуту — прозрачная трубка раздвигается сзади у шеи, цепляется за уши и вновь соединяется под ноздрями. Хитрая трубка с баллоном необходима, потому что легкие ни фига не справляются со своей задачей.

— Я тебя люблю, — сказала мама, когда я вылезала из машины.

— Я тебя тоже. Подъезжай к шести.

— Заводи друзей, — напомнила мама через опущенное стекло, когда я шла к подвалу.

К лифту я не пошла: лифтом пользовались только те, кому осталось жить несколько дней. Спустившись по лестнице, я взяла печенье, налила лимонада в бумажный стаканчик «Дикси» и обернулась.

На меня пялился какой-то парень.

Я его никогда раньше не видела. Долговязый и худой, но не хилый, он скрючился на детском пластиковом стульчике. Короткие прямые темно-рыжие волосы. Мой ровесник или, может, на год старше, сидит на краешке стула в вызывающе неудобной позе, одна рука наполовину засунута в карман темных джинсов.

Я отвела глаза, сразу вспомнив о тысяче своих недостатков. Я в старых джинсах, которые прежде едва налезали, а теперь висят в самых неожиданных местах, и желтой футболке с рок-группой, которая мне уже не нравится. Волосы у меня подстрижены под пажа, и я не забочусь их расчесывать. Ну и щеки как у хомяка — побочный эффект стероидов. В общем, я выглядела как человек нормального сложения с воздушным шаром вместо головы. Это я еще не вспоминаю о толстых икрах и лодыжках. И все же я украдкой посмотрела на незнакомца. Он по-прежнему не сводил с меня глаз.

До меня впервые дошел смысл выражения «встретиться взглядами».

Я села рядом с Айзеком, через два стула от новенького. Покосившись, я убедилась: все еще смотрит.

Ладно, скажу прямо: он был красавчик. Когда на тебя неотрывно глядит некрасивый парень, это выходит в лучшем случае неловко, а в худшем — как попытка оскорбить. Но красавчик... М-да.

Я вынула мобильный: без одной минуты пять. Круг уже заполнился несчастными душами от двенадцати до

восемнадцати, и Патрик начал свою коротенькую молитву: «Господи, дай мне спокойствие принять то, что я не могу изменить, мужество изменить то, что в моих силах, и мудрость отличить одно от другого». Парень по-прежнему смотрел на меня. Я почувствовала, что краснею.

Вскоре я решила, что правильной стратегией будет паялиться в ответ. В конце концов, у парней нет монополии на пристальные взгляды. Пока Патрик в тысячный раз признавался в своей безыицкости, я оглядела новенького с ног до головы, и между нами завязалось соревнование взглядов. Вскоре парень улыбнулся и отвел голубые глаза. Когда он снова посмотрел на меня, я подвигала бровями в знак того, что победа осталась за мной.

Он пожал плечами. Патрик продолжал свое. Настало время представиться.

— Айзек, может, ты сегодня начнешь? Я знаю, у тебя сейчас трудное время.

— Да, — согласился Айзек. — Меня зовут Айзек, мне семнадцать лет. Судя по всему, через две недели у меня будет операция, после которой я останусь слепым. Я не жалею, многим приходится и хуже, но, понимаете, слепота — это такое дерьмо... Меня поддерживает моя девушка. И друзья. Огастус вот, например. — Он кивнул на новенького, у которого теперь появилось имя. — Так что вот так, — продолжал Айзек, глядя на свои руки, сложенные домиком. — И вы тут ничем не поможете.

— Мы рядом, Айзек, — сказал Патрик. — Пусть Айзек услышит нас, ребята.

И мы все повторили:

— Мы рядом, Айзек.

Настала очередь Майкла. Ему двенадцать, и у него лейкоemia. У него всегда была лейкоemia, но он в порядке. (Так он сказал. Вообще-то он спустился на лифте.)

Лиде шестнадцать, и уж на кого стоило заглядываться красавчику, так это на нее. Лида — старожил группы поддержки, у нее длительная ремиссия аппендикулярного рака — оказывается, есть и такой. Она заявила, как заявляла на каждом собрании группы поддержки, что чувствует себя *сильной*. Мне, с кислородными трубочками в ноздрах, это показалось наглым хвастовством.

До новенького говорили еще пятеро. Когда пришла его очередь, он слегка улыбнулся. Голос у него оказался низкий, прокуренный и потрясающе сексуальный.

— Меня зовут Огастус Уотерс, — представился он. — Мне семнадцать. Полтора года назад у меня был несерьезный случай остеосаркомы, а здесь я сегодня по просьбе Айзека.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Патрик.

— О, прекрасно! — Огастус Уотерс улыбнулся одним уголком рта. — Я в поезде американских горок, который едет только вверх, друг мой.

Пришла моя очередь.

— Меня зовут Хейзел, мне шестнадцать. Рак щитовидки с метастазами в легких. У меня все о'кей.

Заседание продолжалось бойко: сражения были подсчитаны, битвы в заранее проигранных войнах выиграны, поцеплялись за надежду, поругали и похвалили родителей, согласились, что друзьям не понять серьезности проблемы. Слезы были пролиты, утешение предложено. Ни Огастус, ни я не произнесли ни слова, пока Патрик не сказал:

— Огастус, возможно, ты хочешь поделиться с группой своими страхами?

— Моими страхами?

— Да.

— Я боюсь забвения, — тут же ответил он. — Как слепой из пословицы, который боялся темноты.

— Ну, это ты спешишь — улыбнулся Айзек.

— Что-то не так? — спросил Огастус. — Порой я слеп, как крот, к чувствам окружающих.

Айзек захохотал, но Патрик поднял вразумляющий перст и сказал:

— Огастус, пожалуйста, вернемся к тебе и твоей борьбе. Ты сказал, что боишься забвения?

— Сказал, — ответил Огастус.

Патрик растерялся.

— Не хочет ли кто, э-э, что-нибудь ответить на это?

Я не хожу в нормальную школу уже три года. Родители — два моих лучших друга. Третий лучший друг — автор, который не знает о моем существовании. Я очень замкнутая, не из тех, кто первым тянет руку.

Но на этот раз я вдруг решила высказаться. Я приподняла ладонь, и Патрик с нескрываемым удовольствием тут же сказал:

— Хейзел!

Он наверняка думал, что я начинаю раскрываться, становясь частью группы поддержки.

Я посмотрела на Огастуса Уотерса, глаза которого были такой синевы, что сквозь нее, казалось, можно что-то видеть.

— Придет время, — сказала я, — когда мы все умрем. Все. Придет время, когда не останется людей, помнящих, что кто-то вообще был и даже что-то делал. Не останется никого, помнящего об Аристотеле

или Клеопатре, не говоря уже о тебе. Все, что мы сделали, построили, написали, придумали и открыли, будет забыто. Все это, — я обвела рукой собравшихся, — исчезнет без следа. Может, это время придет скоро, может, до него еще миллионы лет, но даже если мы переживем коллапс Солнца, вечно человечество существовать не может. Было время до того, как живые организмы осознали свое существование, будет время и после нас. А если тебя беспокоит неизбежность забвения, предлагаю тебе игнорировать этот страх, как делают все остальные.

Я узнала об этом от вышеупомянутого третьего лучшего друга, Питера ван Хаутена, писателя-отшельника, автора «Царского недуга», книги, ставшей для меня второй Библией. Питер ван Хаутен единственный а) понимал, что значит умирать, и б) еще не умер.

Когда я договорила, наступило долгое молчание. По лицу Огастуса расплылась улыбка — не та, с какой он вначале пялился на меня, стараясь выглядеть сексуальным, а настоящая улыбка, слишком широкая для его лица.

— Черт, — тихо произнес Огастус. — Ну ты даешь.

До конца заседания группы мы с ним больше не сказали ни слова. В конце все, как было заведено, взялись за руки, и Патрик стал читать молитву.

— Господь наш Иисус Христос, мы, борющиеся с раком, собрались здесь, *буквально в сердце Твоем*. Ты, и только Ты один, знаешь нас, как мы знаем себя; проведи же нас к жизни и свету через времена испытаний. Молим Тебя о глазах Айзека, о крови Майкла и Джейми, о костях Огастуса, о легких Хейзел, о горле Джеймса. Молим Тебя исцелить нас, позволить ощутить Твою любовь и Твой Божий покой, превосходящие всякое понимание. В наших сердцах мы храним память о тех,